

Моника Рост

Балерина. Педагог. Балетмейстер. Режиссер. Редкая одаренность и озаренность. Строгость и жесткость ко всему, что на пути к профессионализму. Редкое обаяние и мягкость - в общении. Моника Рост.

Татьяна КИЛЕВА

В Московский театр детской книги «Волшебная лампа» Моника была приглашена на постановку танцев во время работы над мюзиклом «Как дожить до субботы?» Да так и осталась. Поразили возможности театра: в спектакле пластика танцев, воплощающих национальные характеры, взятые у Шолом-Алейхема, органично перешла от актеров к куклам. Родилось удивительное пластическое единство. Под музыку Бориса Петрова, впитавшую народные интонации, вместе с актерами зажили на сцене и куклы Марины Грибановой - ярко театральные и вместе с тем реальные, узнаваемые человеческие типы.

Моника и раньше не считала театр кукол сугубо детским искусством. Но в «Волшебной лампе» кукла предстала в ином - волшебном свете.

- То, что не может сделать артист балета, может кукла: летит-летит и вдруг «задумалась» и шагает или...прыгает на яблоке. Если в классическом балете важна поза, ее академичность, то в этом театре выразительность пластики и движения не имеет никаких ограничений. А соединение с музыкой и словом, взаимодействие актера и куклы - это же настоящий простор для творчества.

- Понимаете, он все удивительно видит, - говорит Моника о Владимире Михайловиче Штейне. - От него, режиссера, пластическое и образное единство спектаклей. Он почувствовал, что его театру нужен балетмейстер. Никто до него в театр кукол хореографов не звал.

Штейн потом уточнит: Эмиль Мэй, танцовщик, балетмейстер, поставивший все танцы в спектакле Михозлса «Фрейлехс», работал впоследствии в театре теней, стал режиссером кукольного театра. «Как наша Моника, - говорит он и добавляет: - Сам факт ее присутствия раскрывает новые возможности».

Факт присутствия. Он - в каждом спектакле.

Вот элегантный менуэт - пролог к «Тили-Бому» по сказке «Кошкин дом» С.Маршака. Его исполняют актеры в черных бархатных костюмах. Они опускают капюшоны и исчезнут на черном бархате. Останутся интонации голосов, пластика рук и жизнь кукол, которые возникнут в световом коридоре и будут разыгрывать представление. А сейчас - клавесин, скрипка, флейта и причудливый танец. Его исполняют все актеры одновременно и каждый - по-своему. Актеры в танце только пластикой и мимикой передают характер своих персонажей - самолюбленного Петуха, вальяжной Кошечки, известного в городе Козла... - выражают свое несколько ироничное к ним отношение и ведут в сказку.

Артисты «Волшебной лампы» так профессионально и с удовольствием танцуют, что нередко зрители отмечают танцы аплодисментами. Танец - как высшее проявление чувств. В нем - единение, пикование, счастье бытия. Так маленькие дети, пластика которых естественна, от радости прыгают, танцуют. И герои спектаклей Театра детской книги, когда слово и музыка бес-

ших, мужских, жадно и с лихвой восполняя то, что прежде недополучила; когда после серьезной травмы, несмотря на приговоры, сумела вернуться в соседний класс; когда неожиданно удачно заметила заболевшего педагога и ей можно

было доверить занятия, - на Моника Рост обратили серьезное внимание. Наталья Михайловна стала считать ее среди лучших своих учениц.

После окончания Вагановского хореографического училища Моника оказалась на сцене Камерного еврейского музыкального театра. Пригласили - и согласилась. Наверное, из любопытства. Артисты балета там ходили на хор, артисты хора занимались хореографией. Синтез музыки, песни, слова и танца требовал особой подготовки.

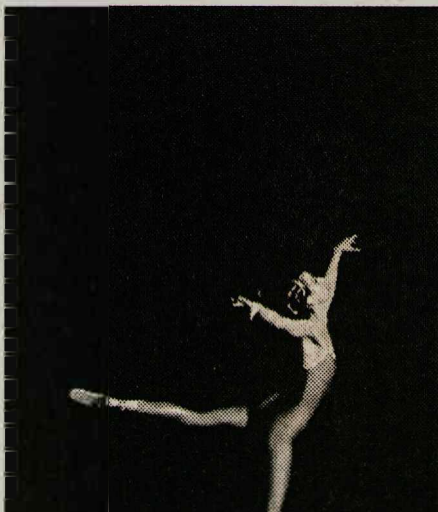
На Моника поставили спектакль. В роли Мышонка ей пришлось не только танцевать, но и говорить, петь. В мюзикле «Тевье из Анатовки» («Скрипка на крыше») ей пришлось объединить в своем скрипаче две роли. Моника придумала грим - две половины одного лица, одна дьявольская, другая ангельская. И танец - в зависимости от того, какой стороной актриса повернется к публике, - беснующийся, сатанинский или сама гармония и классическая завершенность.

В первом ее театре было много ролей и встреч. Встретила и свою судьбу. Мужа.

Потом были в жизни и другие театры. «Я из тех, кто уходит. Ухожу из театра, когда вижу, что уходит творчество». Были разные роли.

- Любимая? Пожалуй, «Загадка». Так назывался номер на музыку Прокофьева из «Мимолетностей». Его восстанавливала в память о Ярославле Голейзовском его вдова Вера Петровна в театре, который назывался «Московский фести-

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ

142

Актеры в танце только пластикой и мимикой передают характер своих персонажей - самолюбленного Петуха, вальяжной Кошечки, известного в городе Козла... - выражают свое несколько ироничное к ним отношение и ведут в сказку.

Артисты «Волшебной пампы» так профессионально и с удовольствием танцуют, что нередко зрители отмечают танцы аплодисментами. Танец - как высшее проявление чувств. В нем - единение, ликование, счастье бытия. Так маленькие дети, пластика которых естественна, от радости прыгают, танцуют. И герои спектаклей Театра детской книги, когда слово и музыка бесильны, обращаются к танцу.

Над постановкой «Свет мой, зеркальце! скажи!..» балетмейстер и композитор работали рядом. Моника Рост заказывала:

«Здесь нужно шестнадцать тактов, а здесь восемь». Лариса Казакова отвечала тут же, за пианино, удивительной музыкой.

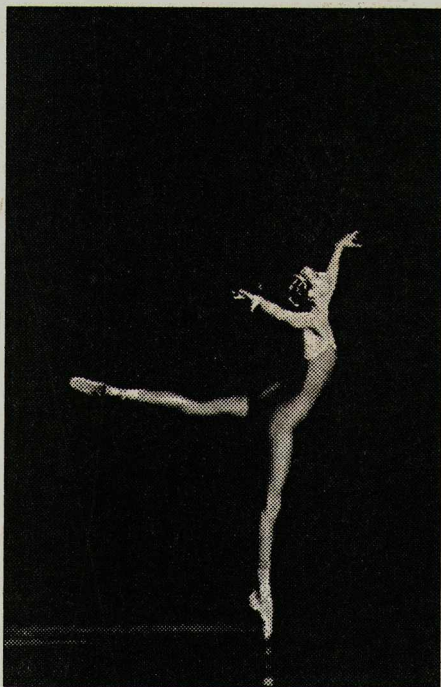
- Лариса человек очень талантливый. Ей можно довериться полностью. И актеры в этом театре очень серьезно относятся к пластике. Никакого сопротивления - как в драматических театрах случалось видеть и особенно - в оперных. Только - внимание, желание добиться наибольшей выразительности, через танец, пластику выйти на куклу, ее «характер».

Моника Рост оправдывает свою фамилию. Люди, с ней знакомые, постоянно наблюдают ее рост - профессиональный, творческий. От работы к работе. Может быть, потому что она еще с Вагановского училища «не боялась заглянуть в соседний класс».

Так случилось, что ленинская стипендиатка, звезда Ереванского хореографического училища, когда ее направили на учебу в тогдашний еще Ленинград, попала в класс Натальи Михайловны Дудинской. У легендарной балерины были уже свои любимцы, может быть, с более основательной школой. Моника сначала была просто еще одной талантливой девочкой.

Но когда она так погрузилась в профессию, что встречалась в классах младших, стар-

молетно станивала в память о Ярославе Голейзовском его вдова Вера Петровна в театре, который назывался «Московский фести-

валь-балет». Я вложила в него всю свою любовь к Голейзовскому и Якобсону, к классическому танцу. Можно было бы ничего больше не танцевать в жизни.

В 1985 году Моника неожиданно для многих поступила в ГИТИС. Из любопытства. Того самого, что подмывает «заглянуть в соседний класс». Пушкинское «мы ленивы и нелюбопытны» - не про таких. Окончила с дипломом балетмейстера-педагога. Во время учебы ходила на курс режиссеров-балетмейстеров, интересовалась подготовкой педагогов и на кафедре музыкальных театров.

- Театр требует служения, - убеждена Моника. - Очень хорошо сказала в одном из интервью Мария Владимировна Миронова: «Я театру служу». Да. Да, именно так.

Отсюда ее неустанный ученичество, интерес к искусству во всех проявлениях, постоянный поиск.

- Сам факт присутствия Моника в театре раскрывает новые возможности, - сказал В.Штейн. И сообщил новость: - Спектакль по пьесе М.Бартенева и А.Усачева «Бык, осел и звезда» мы будем ставить как рок-балет.

На снимках: Моника Рост в жизни; в хореографическом номере «Загадка».